

ВЛИЯНИЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРОЗУ
А.С. ПУШКИНА: *РОБ РОЙ* И *КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА*

WALTER SCOTT'S INFLUENCE ON A.S. PUSHKIN'S HISTORICAL NOVEL:
ROB ROY AND *THE CAPTAIN'S DAUGHTER*

URSZULA KIZELBACH

ABSTRACT. This article analyses the influence of Sir Walter Scott's historical fiction (*Rob Roy*) on the development of the historical novel in Russia in the first half of the 19th century, based on the example of Pushkin's *The Captain's Daughter*. The author argues that both Scott and Pushkin had a similar approach to their national and local history and collected historical material in the same way (through archival research and by contacting local people who had witnessed the events of the Jacobite Rebellion, 1715, and the Pugachev Rebellion, 1773–1775). A close analysis of both texts presents examples of a similar poetics of the narration, dialectal use of language and dialogue, and the use of local colour and folk elements, such as folk songs or old sayings, which serve as mottos for particular chapters in the novels.

Urszula Kizelbach, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
kula@wa.amu.edu.pl

В пушкинскую эпоху в России наблюдается живой интерес к западноевропейскому историческому роману, особенно к роману Скотта. Русские литературные газеты печатают Скотта в подлинниках и в переводах уже через несколько месяцев после выпуска романов в Англии. Содержание *Роб Ройа* (1818) печатается в „Сыне Отечества” еще в 1818 году, но без указания автора. В изложении романа сказано лишь, что „Герой романа сего есть Франсис Осбалстон (sic!), сын богатого лондонского купца”, который, изгнанный отцом из дома, „отправляется к дяде своему в Нортумберланд ... и дружится он с Робертом Камбелем, называемым и Роб-Ройем, купцом, торгующим скотиною, и они становятся неразлучными”¹. Пушкин видит в романе Скотта новую литературную форму, которая просто и правдиво отражает жизнь людей прошедших времен. Русская литература первой половины XIX века соответствует действительности того времени — абсолютизм власти и крепостная система разрушают малейшие стремления к просвети-

¹ Ю.Д. Левин, *Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы*, Ленинград 1975, с. 9.

тельским общественным и государственным реформам, давно действующим в Европе; а литература следует классицистическим канонам, выражая возвышенные чувства искусственным и торжественным стилем (обилие метафор и сравнений, высокопарные слова). Пушкин подражает Скотту, срывая с законами сентиментализма и классицизма, и становится пионером русского реалистического романа². Переключка *Капитанской дочки* с *Роб Ройем* обнаруживается в области языка и повествовательной структуры. Мы постараемся подчеркнуть те формальные сходства в *Капитанской дочке*, которые непосредственно относятся к языку и повествованию *Роб Роя*, а именно подход писателей к народной истории, диалектную речь и ее значение, функцию диалогов, эпиграфов и песен.

Пушкина и Скотта соединяет похожее историческое мышление, что отражается в форме их „рассказа“ об истории – в историческом романе. Необходимо подчеркнуть, что как Скотт, так и Пушкин представляют народную историю современному им читателю, поэтому язык повествования стоит на уровне их века. Контраст настоящее-прошлое ярко выражается в языке и стиле повествования. Повествователь-мемуарист рассказывает об исторических событиях с сегодняшней точки зрения, как пожилой человек, но, все-таки, он лично принимал участие в рассказанной им истории. Таким образом, стиль повествователя, который можно определить как литературно-письменный язык³, смешивается с народной речью описываемых им героев. Главной целью исторического романа является не то, чтобы тщательно передать факты, а то, чтобы передать атмосферу исторического времени, которым в романах являются народное восстание Пугачева и бунт яacobитов. Поэтому главной идеей писателей было показать местную краску⁴ в языке представителей народа – казаков и шотландских горцев. Их речь в романах Скотта и Пушкина стилизованная и они пользуются сказом в *Капитанской дочке* и шотландским диалектом в *Роб Ройе*. Важную структурную роль в обоих романах исполняют диалоги, которые предоставляют писателям возможность, во-первых, вполне охарактеризовать героев через их народную речь и, во-вторых, доставляют комментарии на политические темы, которые нередко являются мнениями самих писателей. Романы связаны с народной устной традицией, выраженной в песнях и пословицах, которые не только вкладываются в уста героев, но и выполняют композиционную функцию эпиграфов к главам.

² L. G o m o l i c k i, *Wielki realista Aleksander Puszkina*, Warszawa 1953, с. 131.

³ Г. С ы р о е г и н а, *Речевые стили в „Капитанской дочке“*, [в:] *Стиль и язык А.С. Пушкина*, под ред. К.А. Алавердовой, Москва 1937, с. 146.

⁴ *Локальный колорит / местная краска* (англ. *local colour*) – это отражение исторической верности эпохе в подробном описании нравов, мест, характеров, костюмов.

1. Исторические материалы и отношение писателей к истории

Следует отметить, что *Капитанская дочка* является результатом как исторических исследований, так и путешествий автора. Во-первых, он тщательно рассмотрел исследовательские труды историка периода реставрации Гизо⁵, а также *Историю государства российского* Н. Карамзина. Пушкин, однако, не ограничивался одними только архивами, но желал увидеть собственными глазами те места, где разбойничал со своими войсками руководитель восстания Емельян Пугачев. В августе 1833 года автор посетил Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск и беседовал с очевидцами событий 1773 года⁶. Он слушал рассказы и записывал песни о Пугачеве, разговаривая с казанскими суконщиками и старой казачкой Бунтовой из села Берды под Оренбургом⁷. Таким образом Пушкин создал *Историю Пугачева*⁸ — вполне историческую прозу, в которой он пытается проанализировать и определить причины и ход бунта яицких казаков. Текст *Истории Пугачева* относится как к Санкт-петербургским архивным документам, так и к рассказам живых людей, современников восстания. В предисловии к *Истории Пугачева* автор упоминает о том, что имел случай „пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых“⁹. В „Объяснениях“ на критику рецензента Броневского он отвечает: „Показания мои извлечены из официальных, неоспоримых документов“¹⁰.

Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою (с. 392).

Таким образом, *Капитанской дочке* предшествовал историко-исследовательский анализ крестьянского восстания, который совершился не только благодаря чтению исторических материалов, но и благодаря путешествиям Пушкина по местам, охваченным революцией.

⁵ Ю. Л о т м а н, *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя*, Ленинград 1983, с. 232.

⁶ М. Т о р о р о w s k i, *Geniusz i caryzm*, Warszawa 1971, с. 112.

⁷ Б. М е й л а х, *А.С. Пушкин. Очерк жизни и творчества*, Москва-Ленинград 1949, с. 139.

⁸ Царь повелел изменить заглавие *История Пугачева* на *История бунта Пугачева*; Пушкин в конце концов не окончил произведения; создав 8 глав, он снабдил их примечаниями. См.: М. Т о р о р о w s k i, указ. соч., с. 112.

⁹ А.С. П у ш к и н, *История Пугачева*, Москва 1965, с. 151. Последующие цитаты и фрагменты из *Истории Пугачева* приводятся по этому изданию в тексте работы с указанием в скобках страницы.

¹⁰ Например из показаний жены Пугачева, атамана Фомина и самого Пугачева, в конце 1772 года приведенного в Малыковскую канцелярию. Там же, с. 383.

Похожим образом Скотт собирал материалы к историческому роману *Роб Рой*. Автор совершил путешествие в Таллибоды (Tullibody) в Верхнюю Шотландию (Highlands), где он беседовал с сэром Ральфом Аберкромби, очевидцем якобитского бунта клана Мак-Грегор, из которого происходит Роб Рой. Сэр Аберкромби лично встретился и разговаривал с шотландским горцем, и об этом он рассказывал Скотту¹¹. Во введении к роману Скотт сам заявляет: „Мы должны оговориться, что наш рассказ основан во многом на предании“¹². Интерес Скотта к народу и его истории был возбужден народной прозой Марии Эджлорт и ее романом *Дворец в Ракрент* (1800), который затрагивает проблему английско-ирландской унии, показывая трагизм конца эпохи ирландского дворянства. Скотт признает, что он в восторге от прозы мисс Эджлорт и что ему, как писателю, хотелось бы быть таким полезным своей стране, как Эджлорт оказалась полезной Ирландии. По мнению автора *Роб Ройа*, исторический роман может укрепить политические отношения между Англией и Шотландией и изобразить шотландцев в лучшем свете, „разбудить как симпатию [англичан] для их [шотландцев] национальных достоинств, так и снисходительную улыбку для пороков их соседей“, пишет Скотт в предисловии (*General Preface*) к *Уэверли* (1814) и другим романам¹³.

Необходимо подчеркнуть, что и Скотт и Пушкин используют жанр исторического романа, так как в истории своих народов они надеются найти ответы на проблемы сегодняшнего дня. Скотт переписывает народную историю с целью сблизить два народа — английский и шотландский. В романе *Уэверли*, который продолжает тему якобитского восстания 1715 года в *Роб Ройе*, Скотт оценивает современные плохие отношения англичан и шотландцев после 1745 года, когда произошел следующий бунт горцев. Он все-таки замечает, что шотландский народ переходит трансформацию в современную ему эпоху:

Не найдется в Европе страны, которая бы за каких-нибудь полвека с небольшим так совершенно изменилась, как шотландское королевство. Последствия восстания 1745 года, а именно, уничтожение патриархальной власти в горных областях; упразднение наследственной юрисдикции дворян и баронов в Нижней Шотландии; полное искоренение якобитов, которые, не желая смешиваться с англичанами и принять их образ жизни, долго гордились

¹¹ J.G. Lockhart, *The life of Sir Walter Scott*, London 1970, с. 65.

¹² В. Скотт, *Роб Рой*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 8 томах*, т. 4, Москва 1990, с. 2. Последующие цитаты и фрагменты из *Роб Ройа* приводятся по этому изданию в тексте работы с указанием в скобках страницы.

¹³ В. Скотт, *Уэверли, или шестьдесят лет назад*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 8 томах*, т. 1, Москва 1990, с. 8. Последующие цитаты и фрагменты из *Уэверли* приводятся по этому изданию в тексте работы с указанием в скобках страницы.

тем, что сохраняют старинные шотландские нравы и обычаи — все это послужило началом этих нововведений. Постепенный прилив богатства и расширение торговли также позднее объединились и превратили современное население Шотландии в людей, столь же отличных от их дедов... (с. 473).

Пушкин, с другой стороны, затрагивает следующий важный вопрос, а именно: каков будет дальнейший путь развития России с ее антикрепостническими настроениями. Поэтому *Капитанскую дочку* критики называют русским историческим „политическим” романом 30-х годов¹⁴. По мнению В.Г. Белинского, Пушкин, несомненно, ввел настоящий историзм в русскую литературу первым, идя по дороге, проторенной раньше Вальтером Скоттом¹⁵. История появляется в романе Пушкина не только в персонаже Пугачева, но прежде всего в момент появления императрицы. В конце романа, когда Маша просит Екатерину помиловать Гринева, царица, как добрая мать, соглашается освободить Гринева-коллаборациониста.

2. Язык повествования в историческом романе Скотта и Пушкина

В области языка романов Скотта и Пушкина мы находим значительные формальные сходства. Как правильно замечает Н.В. Измайлов, Скотт и Пушкин в историческом романе отдают предпочтение устному рассказу,¹⁶ поэтому язык повествования лишен „антикварной пыли” и строгости исторических хроник, но приобретает более гуманный облик. Оба — Скотт и Пушкин — пользуются фольклором; типические народные выражения и поговорки характеризуют дух времени казацких и якобитских восстаний, передавая местной колорит эпохи и ее людей. Кроме того, проза Пушкина благодаря Скотту приобрела разнородный регистр — начиная с повествования Гринева и переходя к языку Пугачева и Савельича¹⁷. Диалогическая речь разрешает полностью использовать ценности техники сказа и охарактеризовать героев. Языковая структура повествования в романе Пушкина, как замечает Ю. Лотман¹⁸, распадается на два стилистических пласта: литературный и народный языки, которые зависят от социального происхождения говорящего и взаимно дополняются.

¹⁴ С. Петров, *Русский исторический роман XIX века*, Москва 1964, с. 181.

¹⁵ В.Г. Белинский, [в:] D.D. Влагоя, *Twórcza droga Puszkina*, Warszawa 1955, с. 342.

¹⁶ Н.В. Измайлов, *Очерки творчества Пушкина*, Ленинград 1975, с. 301.

¹⁷ А.З. Лежнев, *Проза Пушкина*, Москва 1966, с. 85.

¹⁸ См.: Т.А. Касзковска, *Struktura narracyjna prozy fabularnej Aleksandra Puszkina*, Warszawa 1983, с. 85.

Скотт выступает против целостной анахронизации языка прозы¹⁹, но в то же время он знает, что слишком большое сокращение архаизмов лишает язык исторического романа привкуса древности. Поэтому Скотт вкладывал в свое повествование в *Роб Ройе* древние слова (очень часто им самим придуманные)²⁰, напр.: *turnpike* (старинное шотландское слово, обозначающее *винтовую лестницу*), *siller* (устаревшая форма слова *silver*, что значит *серебро / деньги*) или *ken* (старинная диалектная форма глагола *know* — *знать*), а также диалектные формы английских слов: *gude* (англ. *good* — *добрый*), *nae* (англ. *no*, что значит *нет*) и *mysell* (англ. *myself* — *меня*). Важно, что Скотт отказывается от старинного языка хроник в пользу языка современников, но одновременно он использует старинные слова²¹, чтобы сохранить оттенок историзма. Итак, язык Скотта стремится к тому, чтобы тяжелый хроникальный стиль повествования превратить в романтический рассказ.

Язык повествования *Капитанской дочери* похож на язык Скотта; здесь наблюдается архаизация и стилизация. Антикварный оттенок присущ языку Гринева-отца — Андрей Петрович использует старинные слова (*сей* — *этот*) и употребляет разговорный стиль, который типичен для его писем. В письме Петру он демонстрирует свое недовольство его бессмысленной дуэлью со Швабриным в Белогорской крепости такими словами:

Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марией Ивановной [...] мы получили 15-ого сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добратся да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку. [...] Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился²².

Гринев подписывает письмо „Отец твой А.П“. А.С. Петров утверждает, что язык Гринева-отца делает его представителем предыдущей эпохи.

¹⁹ М.Г. С о к о л я н с к и й, *И несть ему конца. Статьи о Пушкине*, Одесса 1999, с. 37.

²⁰ Во вступлении к *Айвенго* Лоренс Темпльтон заявляет:

Для того чтобы разбудить интерес читателя, важно, чтобы субъект рассказа переводился на нравы и язык эпохи, в которой мы живем. [...] Правда, я не могу, да и не пытаюсь, сохранить абсолютную точность (англ. *complete accuracy*) даже в вопросе о костюмах, не говоря уже о таких более существенных моментах как язык [...], с. 15.

²¹ Релятивно старинные слова, мы заметим, так как они отражаются антикварностью, но не анахронией (они кажутся современному читателю древними словами, но они все-таки понятны).

²² А.С. П у ш к и н, *Капитанская дочка*, Москва 1977, с. 48–49. Все последующие цитаты и фрагменты из *Капитанской дочери* приводятся по этому изданию в тексте работы с указанием в скобках страницы.

Пушкин вызывает „старомодное достоинство“ Гриневы-отца и других героев, используя слова: *кои, сии, токмо, дабы*, что придает языку повествования архаическое звучание, но, по мнению А.З. Лежнева²³, является более нейтральным, чем язык Скотта.

3. Диалектная речь героев

В начале XIX века отмечается рост национально-исторического самосознания народов²⁴, и Вальтер Скотт через народную речь показывает этот процесс. Заметим, что самые положительные персонажи *Роб Ройа* — это те, кто говорит на шотландском диалекте: Роб Рой, Никол Джарви, Эндрю Ферсервис. Правда, Роб Мак-Грегор разбойничает и ворует, но его считают разбойником и воров прежде всего англичане. Для шотландцев он настоящий герой. Первым, кто это замечает, является Фрэнсис. Он впервые встречается с Роб Роем на мосту на реке Клайде, откуда Роб сопровождает Фрэнсиса в тюрьму к Оуэну. Робин не хочет выявить Фрэнсису, кто он, и отвечает энигматически, но искренне:

- Прежде чем следовать за вами, я должен узнать ваше имя и намерения,
- возразил я [Фрэнсис].
- Я человек, — был ответ, — а мои намерения дружественны.
- Человек! — повторил я. — Это слишком короткое определение.
- Оно достаточно для того, кто не может предложить иного, — сказал незнакомец. — У кого нет имени, нет друзей, нет денег, нет родины, тот вправе все-таки называться человеком; и у кого все это есть — тоже не более как человек (с. 113).

В речи Роб Роя слышится народная мудрость и клановая справедливость. Его слова, высказанные простонародным языком, внушают во Фрэнсиса доверие, что у этого незнакомого есть свои ценности. В народном стиле речи героя демонстрируется автором ностальгия по шотландским кланам, существование которых обречено на смерть с наступлением капитализма. Интересно, что в романе Скотта те, кто пользуется чистым английским языком, являются отрицательными персонажами, например отец Фрэнсиса, Гилдебранд, Решли и Торнклиф Осбалдистон. Следует отметить, что, как в романах Скотта, персонажи *Капитанской дочки* пользуются сильно стилизованным языком, который свойствен их характерам²⁵. Например, язык Емельяна Пугачева поражает своей эмоциональностью и тесной связью с народом; в нем также много народных пословиц и просторечий.

²³ А.З. Лежнев, указ. соч., с. 89, 118.

²⁴ С.М. Петров, *Исторический роман А.С. Пушкина*, Москва 1953, с. 3.

²⁵ В.В. Виноградов, *Пушкин — основоположник русского литературного языка*, Москва 1949, с. 15.

И. Тойбин правильно замечает, что народные выражения в романе Пушкина пропитаны фольклором, что придает стилю Пугачева оттенок правдивости и искренности²⁶. Мы знакомимся с героем во второй главе романа, в которой Гринев и Савельич путешествуют в Оренбургскую крепость, но не могут найти дорогу из-за бурана. Они встречаются вожатого, который, кажется, хорошо разбирается в местности; он простодушно отвечает Гриневу: „Сторона мне знакомая [...] слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек. Да вишь, какая погода: как раз собьемся с дороги“ (с. 21). Язык Пугачева-вожатого совмещает народную лексику (*вишь*, что значит *видишь*) и разговорный стиль (*вдоль и поперек*, *сбиться с дороги*). Он тоже употребляет народные поговорки, например когда его спрашивают „отколе бог принес“, т. е. „откуда ты“, вожатый беспечно говорит: „В огород летал, конопля клевал, швырнула бабушка камушком — да мимо“ (с. 24). Когда в казацком овраге Пугачев узнает Петра как своего спасителя (во время бурана Гринев подарил вожатому свой заячий тулуп) и тогда друга, он радуется, но не забывает подчеркнуть, что между ними непреодолимый барьер. Пугачев — казак, а Гринев — помещик, поэтому Пугачев обращается к Петру „ваше благородие“, а солдат войск Екатерины называет „господа енаралы“ (с. 100) (устаревшая форма слова „генерал“), демонстрируя свою причастность к народу. Савельича он называет „старый хрыч“ и часто среди своих казацких товарищей употребляет просторечия: „Господа енаралы! — провозгласил важно Пугачев. — Только вам ссориться, не беда если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладной; беда если наши кобели меж собою перегрызутся“ (с. 100). О Пугачеве русские говорят, используя прежде всего просторечные определения типа *мошенник*, *собачий сын*, *злодей* (с. 59).

Язык, присущий народу, сказ, индивидуализирует персонажей²⁷, так что многих героев-представителей народа выделяет простонародная речь. Одним из выразительнейших примеров сказа является язык Савельича, верного слуги семьи Гриневых. Стиль Савельича, полный экспрессии и искренней откровенности, мы узнаем уже в сцене с вожатым. Слуга Петра Гринева протестует против того, чтобы его господин отдал тулуп бродяге: „— Помилуй, батюшка, Петр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке“ (с. 25). Его мышление, ассоциации, некоторые языковые трудности в передаче мыслей и чувств, накопление союзов „и“ и „а“, а также простые предложения свидетельствуют о его низком, народном происхождении²⁸. Это отражается и в ответном письме Са-

²⁶ См.: Т.А. К а с з к о w s k а, указ. соч., с. 24, 84.

²⁷ С. П е т р о в, *Русский исторический роман...*, указ. соч., с. 214.

²⁸ Т.А. К а с з к о w s k а, указ. соч., с. 91.

вельича отцу Петра Андреевича. После поединка со Швабриным Петр был ранен и приходил в себя пять дней. Отец юноши, узнав о дурном поступке сына, пишет упрекательное письмо Савельичу, в котором называет его „старым псом“ (с. 50), так как он допустил дуэль. Савельич оправдывается и подчеркивает, что он был всегда верным обоим господам, отцу и сыну, и он свою привязанность выражает библейской риторикой:

Государь Андрей Петрович, отец паш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний; – а я, не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюся и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос (с. 51).

Савельич в письме оправдывает и Петра, сваливая вину на его молодость, как говорят народные мудрости: „а что с ним случилась такая оказия, то быть молодцу не укора: конь о четырех ногах, да спотыкается“ (с. 52). Здесь мы узнаем и о статусе барина Андрея Петровича („ваше благородие“) и крестьянина Савельича („раб ваш“). В письме рассказчик-Савельич представляет народные черты: непосредственность, искренность, любовь к благодетелю, выраженные как простым, так и возвышенным языком. Т.А. Качковска замечает, что в письме появляется архаическая стилизация и униженный тон²⁹ „верного холопа“ (так подписано письмо) даже в заключительных словах: „за сим кланяюся рабски“ (с. 52).

Надо, кроме того, обратить внимание на структуру и функцию диалога в романе Пушкина. В ситуативном диалоге в *Капитанской дочке* говорящие лица подвергаются характеристике, так что их сразу можно причислить к данному общественному слою. Так, два казака, доверенные лица самозванца, разговаривают в овраге; Хлопуша подсказывает Пугачеву, что он должен повесить Гринева и, увидев возмущение атамана, Белобродов противоречит товарищу:

– Полно, Наумыч – сказал он [Хлопуша] ему. – Тебе бы все душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

– Да, ты что за угодник? – возразил Белобродов.

– У тебя-то откуда жалость взялась?

– Конечно [...] и я грешен [...] (с. 100).

В диалоге мы узнаем таинственный и строгий характер казаков. Они используют просторечия и местные обороты, например: „тебе бы все душить да резать“, „да ты что за угодник“. Стилизация диалогической речи позволяет представить казаков как близко связанных с на-

²⁹ Там же.

родом. Т.А. Качковска³⁰ заявляет, что большое количество диалогов приводит к тому, что они как будто вырываются из-под контроля повествователя, так что сами диалоги функционируют как отдельные сцены.

Похожим образом в диалогах Скотта наблюдается народная стилизация и часто простая местная речь, шотландский и кельтский диалекты сталкиваются с литературным английским языком. Скотт широко демонстрирует народность в смешных ситуативных диалогах, например когда Фрэнсис путешествует верхом в Шотландию, а его проводником является Эндрю Ферсервис, садовник-шотландец, работающий у дяди Гилдебранда. Оказывается, что Эндрю сам часто путешествует ночью, связываясь с шотландскими джентльменами. Диалог, надо признать, начинается юмористически — Фрэнсис просит Эндрю ехать по-медленнее, так как он не успевает, а при том молодой Осбалдистон догадывается, что дядин садовник пьян:

— А чего ж угодно вашей чести? — сказал Эндрю с невозмутимым спокойствием.

— Чего мне угодно, мошенник? Я тут битый час кричу, чтобы вы ехали медленней, а вы не находите нужным даже ответить! Пьяны вы, что ли, или спятили?

— Не прогневайтесь, ваша честь, я немного туговат на ухо. Не стану отпираться, я, конечно, выпил чарочку перед тем как оставить старое обиталище, где прожил столько лет; компании не оказалось, так что, понятное дело, пришлось управиться самому, не то, хочешь не хочешь, оставляй полбутылки водки папистам, а уж это, как известно вашей милости, был бы чистый убыток. Объяснение казалось довольно правдоподобным...

— Ваша честь не уговорит меня и никто меня не уговорит, что разумно или полезно для здоровья холодной ночью пускаться в путь по здешним болотам, не подкрепившись наперед стаканчиком гвоздичной настойки, или чарочкой можжевельники, или водки, или чего-нибудь такого. Я сто раз переваливал через Оттерскопский хребет днем и ночью и никогда не мог найти дорогу, если перед тем не выпивал свою порцию, — а выпью, так проеду наилучшим образом, да еще с двумя бочонками коньяка по каждую сторону седла.

— Другими словами, Эндрю, — сказал я, — вы перевозили контрабанду. Как же это вы, человек строгих правил, позволяли себе обманывать казну? (с. 102).

На шутливый упрек в алкоголизме и хищении государственной водки Эндрю возражает:

Бедная старая Шотландия достаточно страдает от этих мерзавцев акцизников да ревизоров, что налетели на нее, как саранча, после печального и при-
скорбного соединения королевств. Каждый добрый сын обязан принести своей родине хоть глоточек чего-нибудь крепкого — согреть ее старое сердце да, кстати, насолить проклятым ворам (с. 102-103).

³⁰ Там же, с. 84.

Диалог Фрэнсиса и Эндрю раскрывает душу простого садовника. Речь Ферсервиса полна народных выражений: „туговат на ухо“, „переваливал через хребет“. Он называет разные виды местной водки, а также употребляет свободный стиль и порядок слов. Эндрю живет и работает в Англии уже много лет, но признает, что хотел покинуть Осбалдистон-холл уже с первого дня. Он не боится критиковать Англию за то, что она навязывает налоги на его страну. Таким образом, веселый разговор превращается в грустные размышления героя о Шотландии и ее будущем.

Необходимо подчеркнуть, что в романе Скотта форма диалога в повествовании служит изображению народных настроений. В диалогах комментируется действительное положение англичан и шотландцев. Диалог дает возможность как героям, так и Скотту высказаться на тему политики. Так, Фрэнсис, путешествуя в Осбалдистон-холл, останавливается для отдыха в трактире, где он впервые видит мистера Кэмбела, беседующего за столом о политических альянсах. Мужчины спорят о том, к которой династии стоит быть лучше привязанным – к свергнутым Стюартам или Ганноверцам. Фрэнсис прислушивается к разговору:

– Вы шотландец, сэр, джентльмены вашей страны должны бороться за попранные права законного наследника! – кричали они.

– Вы пресвитерианин, – твердили спорщики другого толка, – вы не можете стоять за власть произвола! (с. 40).

Каждая сторона взывала к мистеру Кэмбелу, домогаясь его высокого одобрения. Он все-таки быстро прекратил ссору, превратив ее в шутку. Из вышеуказанного вытекает, что в диалоге Скотта передается атмосфера враждебных настроений как шотландцев, так и англичан. Фрэнсис замечает, что застольные беседы велись до полуночи, а спорящие „политиканы“ кричали и дебатировали как „весь городской совет“ (с. 40). Г. Келли³¹ правильно замечает, что в диалогах в *Роб Ройе* дается комментарий о политических и общественных переменах 70-х годов XVIII века.

4. Эпиграфы и песни

Скотт ввел в структуру своих произведений деление на главы, снабженные эпиграфами³². В понимании Скотта эпиграфы не являлись

³¹ G. Kelly, *English fiction of the Romantic period 1789–1830*, London–New York 1996, с. 149.

³² Эпиграфы появились, кроме того, в романах: *Уэверли, или шестьдесят лет назад* (1814), *Айвенго* (1819), *Антиквариум* (1816), см.: D. Berger, *Damn the motto: Scott and the epigraph*, „Anglia Zeitschrift für Englische Philologie“ 1982, no. 100, с. 373.

лишь композиционным орнаментом, но исполняли важные функции. Во-первых, они имплицитно подсказывали, на что надо обратить внимание, читая определенную главу. Дубликация мотивов (сначала в эпиграфе, потом в главе) подчеркивает их значение для сюжетной линии. Во-вторых, Скотт сам признал, что эпиграфы вводят в структуру романа разнообразие и действуют на воображение читателя³³. Так, эпиграф к седьмой главе *Роб Ройа* — это отрывок из хроники Шекспира *Генрих IV*, ч. 1, слова Бардольфа: „Шериф стоит у двери, и с ним преогромная стража“. Оказывается, что в этой главе Фрэнсиса обвиняют в краже и ему надо явиться в суд. Глава семнадцатая начинается с поэтического мотто Тиккеля: „Другим неслышный, слышу голос: — Не медли здесь, не жди! Рука, незримая другому, Мне машет: уходи!“ Фрэнсис, узнав о банкротстве фирмы отца, покидает Осбалдистон-холл и решает выяснить дело с Рэшли. Эпиграф к двадцать пятой главе — цитата из Драйдэна *Паламона и Арсита*: „Мой кровный враг! Он смертью мне грозит; И должен быть один из нас убит“. Это ясное предупреждение перед дуэлью Фрэнсиса и Рэшли, о которой читатель узнает из этой главы.

Деление текста на главы с эпиграфами — это следующая вальтер-скоттовская черта *Капитанской дочки*³⁴. Здесь, дополнительно, каждая глава кроме эпиграфа имеет свое заглавие. Подбор текстов к эпиграфам продуманный, язык их логичный, каждая глава обладает гармонией, так что, по мнению Р. Лужного, Пушкина можно назвать нетипичным романтиком³⁵. Конечно, функция эпиграфов та же самая — подчеркнуть самую важную проблему данной главы³⁶. Например, конфликт Гринева со Швабриным намекается в четвертой главе — *Поединок*, и, как в романе Скотта, герои сражаются на дуэли, Гринев ранен. В качестве мотто использованы слова из комедии А.Я. Княжнина *Чудаки*: „— Ни, изволь и стань же в позитуру. Посмотришь, проколю я твою фигуру“. Хотелось бы сказать, что мотто из комедии действует как ироническая заметка автора про дуэль, вызванную скорее по глупости, нежели по уважительной причине. Эпиграф к тринадцатой главе — *Арест* — это опять цитата из Княжнина: „Я должен сей же час отправить вас в тюрьму“, и, действительно, Гринева наказывают за связи с Пугачевым.

Интересно, что Пушкин вводит новый элемент — пословицы в эпиграфах. Роман даже начинается с эпиграфа: „Береги честь смолоду“.

³³ Там же, с. 385.

³⁴ R. Ł u ż n y, *Sztuka pisarska Puszkina – epika*, [в:] *O poetyce Aleksandra Puszkina*, pod red. B. Galstera, Poznań 1975, с. 11.

³⁵ Там же, с. 10.

³⁶ Там же, с. 11.

Н.К. Гей утверждает, что данный постулат обращен к Гриневу, который найдет смысл народной мудрости, но после того, как он „оправдается“ перед лицом этой истины³⁷. Эпиграф имеет форму библейского топоса древнерусских повестей — поучение отца сыну, и передает патриархальные структуры общества того времени³⁸. Пословицы опять обращают внимание на главные проблемы глав. Пословица к главе восьмой: „Незванный гость хуже татарина“ относится к визиту Пугачева в дом попадьи, во время которого он входит в комнату больной Мироновой дочери, которая, к счастью, не узнает убийцы своего отца. „Мирская молва — морская волна“ — эпиграф к главе *Суд*, четырнадцатой по счету. Гринев оправдывается перед судом за знакомство с Пугачевым; хотя он никогда не изменил солдатскому долгу и не назвал самозванца царем, он не может опровергнуть упреков в том, что искал помощи у Пугачева и ездил с ним в Белогорскую крепость. Мы думаем, что Пушкин и в области композиции романа подражает Скотту, но в *Капитанской дочке* появляются инновации, например эпиграфы-пословицы, лаконичные названия глав, что функционирует как часть хорошо организованного повествования.

Подытоживая наши рассуждения, мы можем констатировать, что существуют большие формальные сходства между романами Скотта и Пушкина и что они наблюдаются в области повествовательной техники, языка повествования и структуры текста. Во-первых, повествование в большей степени представляет собой форму романтического рассказа, чем исторической хроники. Можно заметить, что якобитское и крестьянское восстания передаются Фрэнсисом Осбалдином и Петром Гриневым с некоторой степенью субъективности, что придает истории личный и гуманный вид по сравнению с хроникой. Во-вторых, язык повествования сближен к современному языку, так как и Скотт и Пушкин обращались к современникам, чтобы показать им не только факты, но и людей бывших веков. Так, писатели сохраняют народные черты казаков и крестьян, а также шотландцев в местном диалекте, песнях, балладах и пословицах. Пугачев подвергается романтической характеристике, слушая свою любимую песню о виселице или рассказывая Гриневу сказку про орла и ворона. Речь Савельича, полная повторений, простонародных выражений и пословиц, раскрывает его лучшие черты: простоту, добродушие и искреннюю наивность. Роб Рой и Эндрю Ферсервис говорят на шотландском диалекте, и хотя этот язык не совсем понятен Фрэнсису, он быстро связывается с шотландцами, считая их справедливыми и искренними людьми. Диалоги

³⁷ Н.К. Гей, *Проза Пушкина. Поэтика повествования*, Москва 1989, с. 222.

³⁸ Там же.

— важная часть структуры романов. В них демонстрируются разные точки зрения на политические и общественные темы, например последствия англо-шотландской унии в *Роб Ройе*. В диалогах дополнительно характеризуются персонажи: казаки в овраге в *Капитанской дочке*. Фольклорная оболочка вокруг языка, песен и эпиграфов подчеркивает народность и местную краску, а следовательно, исключительность людей времен якобитского бунта и восстания Пугачева.

Библиография

Работы на русском языке:

- Б е л и н с к и й В.Г., *О жигни и произведениях сира Вальтера Скотта*, [в:] его же, *Собрание сочинений. Статьи, рецензии и заметки 1834–1836*, т. 1, под ред. Д. Калинина, Москва 1976.
- В и н о г р а д о в В.В., *Пушкин – основоположник русского литературного языка*, Москва 1949.
- Г е й Н.К., *Проза Пушкина. Поэтика повествования*, Москва 1989.
- И з м а й л о в Н.В., *Очерки творчества Пушкина*, Ленинград 1975.
- Л е в и н Ю.Д., *Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы*, Ленинград 1975.
- Л е ж н е в А.З., *Проза Пушкина*, Москва 1966.
- Л о т м а н Ю., *Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя*, Ленинград 1983.
- М е й л а х Б., А.С. Пушкин. *Очерк жизни и творчества*, Москва–Ленинград 1949.
- П е т р о в С.М., *Исторический роман А.С. Пушкина*, Москва 1953.
- П е т р о в С., *Русский исторический роман XIX века*, Москва 1964.
- П у ш к и н А.С., *История Пугачева*, Москва 1965.
- П у ш к и н А.С., *Капитанская дочка*, Москва 1977.
- П у ш к и н А.С., *Пропущенная глава Капитанской дочки*, [в:] электронный ресурс: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/kapitanskaya-dochka/propuschennaya-glava.htm> (10.05.2008).
- С к о т т В., *Айвенго*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 20 томах*, т. 8, Минск 1994, [в:] электронный ресурс: <http://lib.ru/PRIKL/SKOTT/ivangoe.txt> (20.04.2008).
- С к о т т В., *Роб Рой*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 8 томах*, т. 4, Москва 1990, [в:] электронный ресурс: <http://www.litportal.ru/genre25/author213/read/page/0/book7506.html> (15.02.2008).
- С к о т т В., *Узверли, или шестьдесят лет тому назад*, [в:] его же, *Собрание сочинений в 8 томах*, т. 1, Москва 1990, [в:] электронный ресурс: <http://lib.ru/PRIKL/SKOTT/ueverly.txt> (15.02.2008).
- С о к о л я н с к и й М.Г., *И несть ему конца. Статьи о Пушкине*, Одесса 1999.
- С ы р о е г и н а Г., *Речевые стили в Капитанской дочке*, [в:] *Стиль и язык А.С. Пушкина*, под ред. К.А. Алавердовой, Москва 1937.

Работы на английском языке:

- B e r g e r D., *Damn the motto: Scott and the epigraph*, „Anglia Zeitschrift für Englische Philologie” 1982, no. 100.
- K e l l y G., *English fiction of the Romantic period 1789–1830*, London–New York 1996.
- L o c k h a r t J.G., *The life of Sir Walter Scott*, London 1970.

Работы на польском языке:

- B ł a g o j D.D., *Twórcza droga Puszkina*, Warszawa 1955.
- G a l s t e r B., *Powieść poetycka Puszkina*, [в:] *O poetyce Aleksandra Puszkina*, pod red. B. Galstera, Poznań 1975.
- G o m o l i c k i L., *Wielki realista Aleksander Puszkina*, Warszawa 1953.
- K a c z k o w s k a T.A., *Struktura narracyjna prozy fabularnej Aleksandra Puszkina*, Warszawa 1983.
- Ł u ż n y R., *Sztuka pisarska Puszkina – epika*, [в:] *O poetyce Aleksandra Puszkina*, pod red. B. Galstera, Poznań 1975.
- T o p o r o w s k i M., *Geniusz i caryzm*, Warszawa 1971.